

На правах рукописи

Оглезнев Виталий Васильевич

**ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

09.00.11 – социальная философия

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук**

Томск – 2007

Диссертационная работа выполнена на кафедре истории философии и логики
ГОУ ВПО «Томской государственной университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Суровцев Валерий Александрович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Кириллов Николай Петрович

кандидат философских наук, доцент
Ладов Всеволод Адольфович

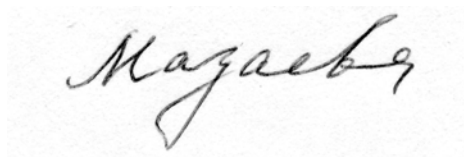
Ведущая организация: Федеральное государственное
образовательное учреждение ВПО
«Северская государственная
технологическая академия»

Защита состоится 24 апреля 2007г. в 12 часов 30 минут на заседании
диссертационного совета Д 212.267.01 при ГОУ ВПО «Томский
государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, Московский
тракт, 2-е, корпус 4, ауд. 111.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского
государственного университета по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан 23 марта 2007 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.Г. Мазаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

В общем виде глобализацию можно представить как совокупность процессов становления более или менее единых общемировых систем в экономике, финансах, технологии, политико-правовой сфере, информационной сфере, а также в сфере культуры и других областях человеческой жизнедеятельности. Но пока еще не выработана единая социально-философская концепция глобализации, которая могла бы стать основой общепланетарных трансформаций.

Тем более, что и сам термин еще не получил достаточно четкого определения, и процессы, которые он обозначает, недостаточно осмыслены, слабо проанализированы. В научной среде, употребляя слова «глобальность», «глобализм», «глобализация», игнорируют их смысловую характеристику. Этим, отчасти, объясняется и то, что, не слишком углубляясь в содержание термина и того, что за ним стоит, одни выступают за глобализацию, другие – против, фактически игнорируя объективность исторических тенденций, не стремясь понять, что же на самом деле происходит в современном мире, чем он принципиально отличается от прошлых эпох и столетий¹. Или суть глобализации заменяется конкретными деталями, в частности, глобализирующимися тенденциями в различных сферах, например, в области экономики или технологии.

Примечательно, что в связи с нынешним этапом глобализации происходит слияние глобализационных тенденций, наблюдающихся во всех основных сферах социального взаимодействия. Это, соответственно, означает, что в каждой из этих сфер – политической, военной, экономической, миграционной, культурной и экологической – сложилась своя особая ситуация, и все они находятся в системе сложных взаимосвязей друг с другом, что и определяет своеобразие глобализации и стимулирует ее развитие. Следовательно, объяснение современной глобализации просто как продукта экспансионистской логики развития капитализма, распространения по всему миру массовой культуры или военной экспансии, неизбежно является односторонним.

Глобализация не автоматический или самовоспроизводящийся процесс. Напротив, для современной глобализации характерны значимость ее политического регулирования, институционализация этого регулирования на всех

---

¹ Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. – М.: Проспект, 2005. – С. 9.

уровнях и наличие в обществе множества сил, реализующих определенный глобальный проект по созданию глобального рынка или даже превращения земного шара в единое целое.

Такие метафоры, как «утрата», «сужение» или «размывание» государственной власти дают иногда искаженное представление о глобальной перестройке или трансформации. Подобного рода язык не позволяет адекватно осмыслить сущности власти и ее сложное проявление, так как за ним скрывается примитивное представление о власти. Такое представление совершенно бесполезно при попытках понять и объяснить то явно противоречивое положение, в каком оказались развитые капиталистические страны в условиях современной глобализации. Поскольку в сфере экономики глобализация вызывает перестройку отношений между государством и рынком, высокоразвитые капиталистические страны и самые разные их институты оказываются глубоко вовлеченными в сам этот процесс. Экономическая глобализация совсем необязательно ведет к ослаблению государственной власти; она скорее изменяет условия, при которых проявляется эта власть. Более того, в других сферах, таких, как миграция, экология, культура, развитые капиталистические страны заняли более активную позицию, в области же политики взяли на себя ведущую роль в деле колоссального усиления и институционализации регионального и глобального правления. Эти явления не относятся к числу тех, которые могут быть убедительно объяснены с помощью понятий упадка, размывания или гибели государственной власти. Подобного рода метафоры наводят на (ложную) мысль о том, что государственная власть была якобы гораздо сильнее в предыдущие эпохи; на самом же деле, «практически со всех точек зрения государственная власть в высокоразвитых капиталистических странах сегодня гораздо мощнее, чем когда бы то ни было» (М. Манн). Но вследствие этого и требования, которые к ней предъявляются, намного выше. Происходящие в условиях современной глобализации одновременное и явное ослабление государственной власти, и расширение сферы ее действия, которые наблюдается в развитых капиталистических странах, являются симптомами глубокой структурной трансформации. Нигде это так не очевидно, как в том, что касается государственного суверенитета и независимости, которые составляют наиболее существенные элементы современного национального государства.

Кумулятивные последствия глобализации, которые проявляются в капиталистических странах, свидетельствуют о том, что они переживают процесс глубокой трансформации, в ходе которой их властные полномочия, роли и функции переосмысляются, перестраиваются и вступают в промежуточную сферу глобализирующих и регионализирующих систем и структур. Если бытие национального государства в условиях глобализации подвергнуто трансформации, то, очевидно, судьба формы правления подлежит серьезному пересмотру. Проблема выбора оптимальной формы правления является необходимой, и поэтому – актуальной.

Однако, ни суверенность, ни независимость государств отнюдь не слабеет в результате этих процессов. Глобализация никоим образом не является всего лишь гомогенизирующей силой. Более того, влияние глобализации во многом зависит от положения государства в мировой политической, военной и экономической иерархии; его внутренних экономических и политических структур; особенностей его правительства. Выработка адекватной новым условиям политики является обязательным условием встраивания государства в «новый мировой порядок».

Актуальность темы исследования обусловлена следующими основными тенденциями.

1. В современной познавательной ситуации возникает необходимость уточнения традиционных категорий, характеризующих геополитическое мироустройство, и новых, являющихся следствием глобализационных процессов и трансформаций.
2. Любая оценка совокупных влияний глобализации должна признать их крайне дифференцированный характер, поскольку отдельные типы влияний (институциональные, структурные, дистрибутивные или связанные с процессом принятия решений) сказываются в разных государствах по-разному.
3. Модели регионального и глобального изменения трансформируют контекст политического действия, образуя систему многочисленных центров власти и взаимопересекающихся сфер ее проявления.
4. Властные полномочия, роли и функции современного государства переосмысляются, перестраиваются, что характеризуется существующими моделями неравенства и иерархии.

То есть, имеются тенденции к появлению новых форм общественной жизни и новых путей обсуждения региональных и глобальных проблем. Все они находятся на начальных стадиях своего развития; и нет никаких гарантий, что соотношение политических сил будет таково, что они смогут развиваться и дальше. Напротив, процессы трансформации предполагают, что эти страны, по крайней мере, репозиционируются и в какой-то степени видоизменяются под влиянием региональных и глобальных процессов.

Постановка проблемы исследования

Современная глобализация не только инициировала или значительно усилила политизацию множества возникающих проблемных областей; она также сопровождалась чрезвычайным ростом институционализированных сфер и структур политической мобилизации, контроля, принятия решений и регулирования, которые функционируют, невзирая на национальные границы. Это значительно расширяет сферу и возможности политической деятельности и применения политической власти. В этом смысле глобализация не выходит (и вряд ли когда-нибудь выходила) за рамки регулирования и управления.

Хотелось бы, показать, что функционирование государств в условиях все более усложняющихся региональных и глобальных систем сказывается как на их автономии (изменяя затраты на политику и выгоды от нее и влияя на установление ее первоочередных задач), так и на суверенитете (изменяя равновесие между национальными, региональными и международными правовыми структурами и нормами административного управления). Хотя высокая концентрация власти по-прежнему остается особенностью многих государств, она все чаще оказывается разделенной между разными сферами политического управления, которыми и осуществляется.

Другими словами, мы должны признать, что политическая власть репозиционируется и в значительной степени трансформируется под влиянием роста значимости других, в меньшей степени территориально обусловленных, систем власти.

Степень теоретической разработанности проблемы

Очевидная противоречивость современного теоретического дискурса о сути, формах, направлениях эволюции и исторических этапах глобализации, во многом определяется многообразием исследовательских парадигм. В научном сообществе

сосуществуют и успешно конкурируют между собой «универсалистский», «цивилизационный», «геополитический», «модернистский» и «миросистемный» подходы, каждый из которых, в свою очередь, опираясь на различные философские и социологические основания, имеет свои варианты, свои преимущества и недостатки.

Термин «глобализация» еще не получил достаточно четкого определения, и процессы, которые он обозначает, недостаточно осмыслены, слабо проанализированы. Несмотря на множество работ, посвященных проблемам глобализации, как отечественных, так и зарубежных исследователей, до сих пор отсутствует социально-философская теория глобализации.

Таким образом, помимо того, что в современной литературе недостаточно разработано определение самого термина «глобализация» и процессов за ним стоящих; социально-философское исследование реализации формы правления в новых условиях требует нового осмысления.

В глобальном мире происходит сжатие времени и пространства, что обусловлено масштабами и скоростью социальных изменений и особенностью социальной организации общества, которые воздействуют на структуризацию планетарных и территориальных программ. Глобализация парализует принятие решений правительствами отдельных государств, бывшими до сих пор центрами эффективного социального управления, и поляризует социальный мир на «глобальных богачей и локальных бедняков» (З. Бауман).

Анализируя стремительно меняющийся во второй половине XX в. мир, характеризующийся этническими и религиозными конфликтами, индустриальными и постиндустриальными изменениями, распадом старых и появлением новых государств, академическое сообщество конструировало различные объяснительные модели таких трансформаций.

В диссертации были проанализированы исследования различных направлений познания процессов глобализации и вызванных ими общественных кризисов, попадающих в сферу внимания специалистов в области социальной философии, политологии, социологии и т.д.

Для решения задач, поставленных в диссертации, большое значение имел анализ российских исследователей, акцентировавших внимание на социальных проблемах мирового сообщества. Определенный результат был получен в ходе

анализа работ философов и историков, которые раскрывают различные аспекты специфики современных социально-политических процессов. Для этих авторов характерно отступление от традиционных подходов к постижению современной социально-политической реальности: А.И. Уткин, В.И. Пантин, А.С. Панарин, А.В. Бузгалин, А.А. Зиновьев, В.Л. Иноземцев, Б.Г. Капустин, М.В. Тлостанова, В.Б. Кувалдин.

Принципиальное значение для диссертационного исследования имели работы ведущих российских исследователей в области глобализации: М.Г. Делягин, И.А. Василенко, К.Х. Делокаров, О.А. Кармадонов, Н.С. Кирибаев, А.П. Федотов, М.А. Чешков, А.Н. Чумаков, И.А. Василенко и других. Это было вызвано необходимостью анализа теоретико-методологических аспектов изучения роли глобализации в общественном развитии. Однако отечественные исследователи сравнительно недавно стали анализировать процессы глобализации, что во многом связано с преувеличением значимости западного опыта как однозначно положительного.

Изучая ход различных процессов глобализации, пришлось обращаться к работам ведущих зарубежных исследователей, изучающих актуальные проблемы и перспективы развития современного общества: Ф. Фукуяма, Дж. Сорос, З. Бауман, Э. Гидденс, У. Бек, П. Бьюкенен, П. Бергер, С. Хантингтон, И. Валлерстайн, Г. Киссинджер, Д. Хелд, М. Хард, А. Негри, Э. Тоффлер, Дж. Грей, Р. Робертсон, З. Бжезинский, М. Кастельс, Дж. Розенау, а также изучались труды менее именитых специалистов в области современного мироустройства, комментирующие отдельные стороны процессов глобализации и трансформации национального государства: Д. Бхагвати, Л. Зидентоп, Р. Даль, Ф. Закария, К. Денчев, К. Агитон, К. Престовиц, Э. Тодд и др.

Формирование концепции глобализации и судьбы национального государства в предметном поле социальной философии осложняется комплексным характером процессов глобализации, их полиструктурной и многофункциональной природой. Верно считает Кириллов Н.П., что «очевидна недостаточность философского подхода»². Действительно, накопленный теоретический и эмпирический материал, опыт социальной политики в условиях глобализации

---

² Кириллов Н.П., Яковлев А.И. Сознание народа. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 13.

создают необходимые предпосылки для ее системной рефлексии и выведении глобалистики на уровень самостоятельного направления исследований.

Объектом исследования являются современные процессы глобализации.

Предметом исследования выступают судьба демократии, как формы правления, и национального суверенного государства, как участника международных отношений.

Цель исследования – социально-философский анализ формы правления в условиях глобальных трансформаций.

В соответствии с поставленной целью в работе намечено решение следующих **задач**:

1. Доказать, что термин «глобализация» нуждается в точном и непротиворечивом определении, в концептуальной и аналитической разработке.
2. Показать, что политика глобализации, проводимая Западом, направлена на нивелирование национальных культур и особенностей; методы глобализации во многом задаются субъектами глобализационного давления, стремящегося навязать свои стандарты всему мировому сообществу.
3. Показать, что в результате изменений, происшедших в международном праве в следствие глобализационных процессов, индивиды, правительства и неправительственные организации оказались в новой системе правового регулирования.
4. Доказать, что эффективная политическая власть не может больше признаваться за национальным правительством; она формируется и меняется под влиянием различных сил и факторов на национальном, региональном и глобальном уровнях, которые и ведут за нее борьбу.

Методологическая основа исследования

В соответствии с предметом и целью исследования основное внимание в диссертации уделено социально-философским аспектам проблемы демократии, как формы правления, и национального суверенного государства, как участника международных отношений в условиях глобальных трансформаций. Данное диссертационное исследование основано как на общенаучных методах познания, так и философских. Поскольку в исследовании рассматривается круг вопросов, формирующихся на стыке социальной и политической философии в качестве эффективного инструмента для решения этих вопросов применяется

междисциплинарный подход, а также потенциал компаративного анализа. Так же использованы методы системного и интерпретационного анализа, концептуального моделирования.

Научная новизна исследования:

1. Осмыслено значение термина «глобализация» как процесса (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий, порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, измеряемую с помощью таких показателей, как их протяженность, интенсивность, скорость и воздействие
2. Впервые проведено комплексное исследование процесса глобализации как в отечественной, так и зарубежной литературе; альтернативные видения глобальных трансформаций структурированы в три идейно-политических направления – гиперглобализм, антиглобализм, трансформизм.
3. Показано, что политические сообщества и цивилизации больше не могут быть охарактеризованы как «обособленные друг от друга миры»; они вовлечены в сложные структуры пересекающихся сил, отношений и движений, которые по-разному влияют на них.

Положения, выносимые на защиту:

1. На основании компаративного анализа существующих подходов к определению понятия «глобализация» сконструированы и классифицированы идейно-политические направления в исследовании сути и последствий данного процесса. Доказано, что только после комплексного рассмотрения проблематики возможно построение социально-философской теории глобализации. Это, в свою очередь, позволяет выработать четкое и непротиворечивое определение данного социального процесса.
2. Так как в диссертации доказано, что политическое пространство, на котором осуществляется эффективное правление и существует подотчетность власти в географическом отношении, больше не совпадает с политической территорией, имеющей четко обозначенные границы. Соответственно меняется и представление о сущности суверенитета, как проявления верховенства государственной власти и независимости ее на международной арене. Теперь сосредоточием дееспособной политической власти нельзя считать национальное

правительство – эффективная власть раздроблена и разделена между различными силами и органами, действующими на национальном, региональном и международном уровнях. Представление о политическом сообществе с общей судьбой – самоопределяющейся общности не может больше иметь смысла, если локализовать его в границах какого-нибудь одного национального государства. Некоторые из наиболее фундаментальных сил и процессов, от которых зависят превратности судьбы в пределах и за пределами политических сообществ, находятся теперь вне границ отдельных национальных государств. Система национальных политических сообществ, конечно, по-прежнему существует, но сегодня она связана со сложными экономическими, организационными, административными, правовыми и культурными процессами и структурами.

3. В условиях глобальных трансформаций подлежит серьезнейшему пересмотру классическое понимание формы правления, как способа организации государственной власти, включающей порядок образования и деятельности высших и местных государственных органов. Идея государства (демократического или недемократического) больше не может защищаться просто как идея, применимая к отдельно замкнутому политическому сообществу или национальному государству.

Теоретическое и практическое значение диссертации

Теоретическая значимость полученных в диссертации результатов определяется возможностью их использования в рамках разрешения проблематики социальной философии, в частности при исследовании путей разрешения экологических и социальных проблем современной цивилизации.

Предложенные в диссертации подходы и решения могут быть использованы:

1. как теоретико-методологическая основа для дальнейшего концептуального исследования процессов глобализации;
2. для дальнейшего анализа тенденций и закономерностей развития субъектов глобализации с целью эффективного управления этим процессом.
3. для построения целостной стратегии развития современного общества;
4. для подготовки ряда спецкурсов по социальной философии, политологии, философии права.

Апробация материалов исследования. Главные концептуальные идеи диссертации были представлены на всероссийской, республиканских, межрегиональных научных конференциях и семинарах: Летняя философская школа (Новосибирск, 2005), Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук в XXI веке (Новосибирск, 2005), Российское правоведение на рубеже веков: трибуна молодого ученого (Томск, 2005), Вопросы развития Российского законодательства (Томск, 2005), Актуальные проблемы социальной философии (Томск, 2005). Содержание работы отражено в семи публикациях.

Работа обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры истории философии и логики философского факультета Томского Государственного университета.

Структура диссертации

Структура диссертации определена поставленными задачами и порядком их решения. Диссертация состоит из введения, трех глав (десяти параграфов), заключения и списка литературы, включающего 103 источников. Объем диссертации составляет 119 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования и степень её научной разработанности, определены цель, задачи, методологическая база исследования, научная новизна и положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, обозначается структура диссертации.

Первая глава «Феномен глобализации как социокультурная проблема» состоит из двух параграфов и посвящена решению двух связанных между собой задач. Во-первых, рассмотрению дискуссий о сути и назначении глобализации. Во-вторых, построению собственной концепции процесса глобализации.

В первом параграфе «Дискуссии о глобализации» рассматриваются наиболее типичные аргументы, выдвигаемые сторонниками разных подходов, что указывает на фундаментальные положения, находящиеся в центре споров о глобализации. Подходы представляют собой общие краткие изложения различных точек зрения на глобализацию: они не полностью характеризуют те или иные позиции и оставляют в стороне множество различий, существующих между

конкретными теоретиками. Задача – подчеркнуть основные тенденции в текущей полемике и литературе.

Сегодня можно выделить три школы, представители которых, условно можно назвать: гиперглобалисты, антиглобалисты-скептики и трансформисты. Каждая из этих школ, пытаясь понять и объяснить глобализацию, дает собственную оценку этому социальному феномену.

Для гиперглобалистов глобализация означает начало новой эпохи человеческой истории, когда «традиционные национальные государства становятся неестественными и даже невозможными коммерческими единицами мировой экономики». Сторонники такого подхода, используя преимущественно логику экономикоцентризма, приветствуют возникновение единого мирового рынка и законов глобальной конкуренции. Гиперглобалисты доказывают, что экономическая глобализация влечет за собой «денационализацию» экономики путем установления транснациональных сетей производства, торговли и финансов. В этой экономике «без границ» национальным правительствам отводится роль «обслуживателей» мирового капитала или всего лишь посреднических институтов, обеспечивающих связь между все более крепнущими местными, региональными и глобальными механизмами управления. По мнению гиперглобалистов, экономическая глобализация порождает новые формы социальной организации, которые вытесняют и постепенно вытеснят национальные государства как первичные экономические и политические образования мирового сообщества.

Для антиглобалистов-скептиков глобализация означает интегрированную мировую экономику, в которой преобладает «закон единой цены», а история в лучшем случае подтверждает лишь углубление ее интернационализации, т.е. усиление взаимодействий между национальными по преимуществу экономиками. Доказывая, что глобализация – это миф, скептики опираются на исключительно экономическое представление о глобализации, согласно которому она приравнивается в первую очередь к совершенно интегрированному мировому рынку. По их мнению, достигнутый ныне уровень экономической интеграции ниже этого «идеального типа» и менее значителен по сравнению с тем, что был в конце XIX века. По этой причине они считают систему аргументов гиперглобалистов в корне несостоятельной и политически наивной, поскольку она недооценивает способность национальных правительств регулировать экономическую

деятельность. Вне контроля со стороны национальных правительств, обеспечивающих экономическую либерализацию, эта деятельность была бы менее активной.

Скептики расходятся со всеми основными утверждениями гиперглобалистов, указывая на сравнительно более высокий уровень экономической взаимозависимости и более обширный географический охват мировой экономики в начале XX века. Они отвергают «популярный миф» о том, что власть национальных правительств или государственный суверенитет разрушены сегодня экономической интернационализацией или глобальным управлением. Таким образом, скептики стремятся разоблачить не утверждение гиперглобалистов, что взаимосвязи в мире крепнут, а мифы, которые создаются вокруг глобализации.

Если подвергнуть более тщательному анализу аргументацию антиглобалистов, то можно убедиться в том, что их осмысление процесса глобализации основывается, по сути, на теориях культурно-исторических типов и локальных цивилизаций, где отрицается линейность, «непременная однонаправленность» цивилизационного развития, лежащие в основе идеи прогресса, тиражируемого гиперглобалистами.

В основе аргументов трансформистов лежит убеждение в том, что на заре нового тысячелетия глобализация – это основная движущая сила, стоящая за бурными социальными, политическими и экономическими переменами, которые преобразуют форму современного общества и мирового порядка. По утверждению сторонников этой точки зрения (таких, как Э. Гидденс, Дж. Розенау, М. Кастельс), современные процессы глобализации исторически беспрецедентны. Правительства и общества на всем земном шаре вынуждены адаптироваться к миру, в котором нет больше четкого разделения между международными и национальными, внешними и внутренними делами.

Доводы трансформистов сводятся к тому, что современная глобализация перестраивает или «переиначивает» власть, функции и полномочия национальных правительств. Не оспаривая того, что государство все еще остается основным законным претендентом на обладание «действенной верховной власти над тем, что происходит в пределах его собственных границ», трансформисты доказывают, что эта власть в той или иной мере сочетается с растущей юрисдикцией институтов международного правления и давления международного права. Это особенно

проявляется в странах Европейского Союза, где суверенная власть разделена между интернациональными, национальными и местными органами. Тем не менее, даже там, где суверенитет государства еще не затронут, оно больше не обладает исключительным правом распоряжаться тем, что происходит в пределах его собственных территориальных границ. Комплексные глобальные системы, от финансовых до экологических, связывают судьбу сообществ в одном регионе с судьбами сообществ в других регионах мира. По мнению трансформистов, глобальные транспортные и коммуникационные инфраструктуры поддерживают новые формы экономической и социальной организации, которые пересекают национальные границы без какого-либо последующего снижения их эффективности или контроля. В таких условиях понятие национального государства как самоуправляемой, автономной единицы, по-видимому, в большей степени является нормативным требованием, чем дескриптивным утверждением.

Во втором параграфе «Осмысление феномена глобализации» после анализа дискуссий раскрывается специфическая сущность глобализации. Резюмируя существующие аналитические выкладки и концептуальные разработки глобализации, представленные разными идейно-политическими течениями и школами, попробую выполнить собственную аналитическую схему глобализации.

Социально-исторические подходы к изучению глобализации расценивают ее как процесс, у которого нет строго фиксированного или определенного исторического «назначения», будь то полностью интегрированный мировой рынок, глобальное общество или глобальная цивилизация. Нет ни малейшего априорного основания полагать, что глобализация должна развиваться в одном-единственном направлении или что она может пониматься лишь в связи с единственным идеальным требованием. Соответственно для трансформистов глобализация представляет собой скорее случайный и открытый исторический процесс, который несовместим с ортодоксальными линейными моделями развития. Более того, сторонники такого подхода, как правило, также скептически относятся к мнению, что только доказательства количественного характера могут подтвердить или опровергнуть «реальность» глобализации.

Вопрос о том, следует ли понимать глобализацию в единых или дифференцированных категориях, связан с проблемой глобализации как исторического процесса. Большая часть литературы, написанной

антиглобалистами-скептиками и гиперглобалистами, направлена на то, чтобы представить глобализацию в значительной степени как процесс, затрагивающий какую-то одну сторону жизни – чаще экономическую или культурную. Однако чтобы представить ее таким образом, приходится игнорировать процессы глобализации, происходящие в других аспектах социальной жизни, – от политических до культурных. В этом смысле глобализацию необходимо понимать как глубоко дифференцированный процесс, который находит свое выражение во всех ключевых областях социальной деятельности (включая политическую, военную, законодательную, экологическую, криминальную и т.д.).

Одним из главных вопросов, когда речь заходит о глобализации, является вопрос о ее причинной обусловленности: что управляет процессом глобализации? Существующие подходы, которые предлагают ответ на этот вопрос, как правило, сводятся к двум способам объяснения: одни выдвигают единственную или основную движущую причину, например, капитализм или технологические изменения; другие объясняют глобализацию как результат совместного действия ряда факторов, таких как технологические изменения, рыночные силы, идеология и политические изменения. Проще говоря, различие между ними на самом деле состоит в их приверженности к монокаузальному или мультикаузальному подходу к процессу глобализации.

Концепция глобализации подразумевает, прежде всего, преодоление социальной, политической и экономической активностью пространственных границ – так, что события, решения и действия, происходящие и принимаемые в одном регионе мира, могут иметь значение для индивидов и сообществ в отдаленных уголках земного шара. В этом смысле она олицетворяет региональную взаимосвязь, расширяющиеся границы структуры социальной деятельности и власти и возможность действия на расстоянии. Кроме того, когда говорят о глобализации, то имеется в виду, что связи, не зависящие от государственных границ, не просто случайны или редки, а становятся все более регулярными; наблюдается заметная интенсификация или возрастающая значимость этих взаимосвязей, образцов взаимодействия и потоков, которые преодолевают границы обществ и государств, существующих в рамках мирового порядка.

Глобализация может быть осмыслена как процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной

организации социальных отношений и взаимодействий – измеряемую с помощью таких показателей, как их протяженность, интенсивность, скорость и воздействие, – порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти.

Возрастающая экстенсивность и интенсивность глобальных взаимосвязей предполагает ускорение глобальных взаимодействий и процессов, так как развитие общемировых систем транспорта и коммуникаций способствует увеличению скорости глобального распространения идей, товаров, информации, капитала и перемещения людей. И растущие экстенсивность, интенсивность и скорость глобальных взаимодействий могут быть соотнесены с углубляющимся «переплетением» местного и глобального, так что воздействие отдельных событий увеличивается, в то время как даже сугубо локальные достижения могут иметь огромные глобальные последствия. В этом смысле границы между внутренними и глобальными проблемами могут оказаться размытыми.

Однако исследование формы правления в условиях глобальных трансформаций не возможно без осмысления понятия свободы, как смыслообразующей категории социального бытия индивида.

Вторая глава «Свобода как основа демократии» состоит из четырех параграфов. Глава посвящена утверждению того, что в основе демократии, как формы правления, лежит свобода, как политическая автономия гражданина.

В первом параграфе «Формальные и реальные свободы» анализируется слово «свобода» применительно к социальным отношениям, т.е. к отношениям между отдельными индивидами или группами.

Один актер свободен по отношению к другому актору делать то или иное («то» или «иное» указывает на определенный выбор, а не на выбор чего угодно): следовательно, социальная свобода на микроуровне содержит одновременно свободу «от» и свободу «для». Если я свободен идти в мечеть в пятницу или не идти туда, идти в церковь в воскресенье или не посещать никакой, я пользуюсь свободой вероисповедания, иначе говоря, другие члены общества, частные или публичные, не могут помешать мне участвовать в отправлении культа по моему выбору или наказать меня, если моя религия им не нравится. Возможность выбирать между двумя действиями, не будучи при этом остановленным другими и

наказанным за сделанный выбор, означает освобождение от зависимости по отношению к другим в определенной области.

Первое следствие данного определения, более всего связанное с антиномией формальные свободы – реальные свободы, таково: быть свободным делать что-либо и быть способным делать что-либо – совершенно разные понятия. Неспособность становится несвободой только тогда, когда ее создает вмешательство других.

Второе, столь же очевидное следствие этого определения заключается в том, что любой член общества несвободен в отношении бесчисленных действий (всех тех, которые запрещает закон) и свободен во многих действиях благодаря закону, запрещающему другим препятствовать их совершению. Законы часто предоставляют некоторым акторам свободу относительно известных действий, делая других акторов несвободными в отношении первых. При анализе такого рода становится очевидным, что не существует какой-либо целостности, которая может называться свободой индивидов или свободой народов. Всякий закон отнимает некоторые свободы у одних, одновременно наделяя некоторыми свободами других или всех.

Таким образом, ни один член общества не является полностью свободным от всех других (за исключением абсолютного тирана, если следовать идеальной гипотезе) и никогда индивид не лишен полностью свободы, т.е. не может делать что бы то ни было, ибо ему препятствуют другие или угрожают санкциями. Из этого, однако, не следует, что при сравнении обществ нужно отказываться от критерия свободы, и что само понятие свободного общества лишено смысла, хотя во всяком обществе есть более и менее свободные индивиды.

Во втором параграфе «Соотношение свободы и формы правления» рассматривается вопрос о том, что всемерное развитие и распространение демократии, на которое сделали ставку правительства большинства западных стран, не является универсальным инструментом прогресса свободы.

Будущее демократии безоблачно до тех пор, пока все болезни демократии излечиваются только одним лекарством – еще большей демократией. Но этого нельзя сказать о свободе, поскольку ни свобода одного человека, ни даже свобода многих не делает свободным все общество, в то время как способность большинства навязать меньшинству свою волю ни в коей мере не противоречит

принципам демократии. Демократическая система не может и не должна ориентироваться на слепое следование воле большинства. В нее необходимо встраивать определенные формальные и неформальные ограничения, которые, пусть даже частично ущемляют ее энергию и динамизм.

За критерий возьмем то, что общество предоставляет своим членам тем больше свободы, чем меньше они рискуют быть наказанными за действия, не расцениваемые ими как противоречащие законам или действительно незапрещенные.

Только о человеке можно сказать, что он свободен или несвободен, потому что свобода предполагает способность рефлексии и принятия решения, которой одарен только человек. Но когда группа людей добивается во имя народа или ради потомков права формирования нации и государства, она придает всей общности определенный вид единства, сравнимый с единством личности. Эта коллективная личность проявляет себя в отношениях с себе подобными на международной арене, она считает себя уникальной и верит, что на нее возложена особая миссия, которую никто другой не сможет исполнить. Более того, независимость этой общности есть условие конкретных, подлинных свобод для каждого из ее членов. Таким образом, реальная свобода, свобода, которую люди ощущают как таковую, зависит от нравов и людей не меньше, чем от законов.

Другими словами, образование независимой нации становится для населения, интегрированного в государство, условием личных свобод. Человек не будет чувствовать себя свободным, даже если при действующем законодательстве он должен испытывать такое чувство, пока различие между этнической группой, к которой он принадлежит, и господствующей этнической группой будет существовать реально. Он не сможет добиться позитивной свободы политического участия, пока не признает своим государство, гражданином которого он теоретически является. Если свобода-участие в наше время есть составная часть свободы, как я ее понимаю, то необходимым элементом свободы или непременным этапом ее достижения является национальное освобождение.

В третьем параграфе «Господство закона как главное условие свободы» утверждается, что концепция свободы при господстве закона покоится на следующем тезисе: когда мы повинемся законам, т.е. общим и абстрактным правилам, сформулированным безотносительно к их возможному применению к

нам самим, мы не подчинены воле другого человека и, следовательно, мы свободны.

Идеал господства закона, пришедшего на смену господству человека над человеком, принадлежит традиции западного либерализма, и я не собираюсь его оспаривать. Но речь идет об идеале, который не вполне приемлем для всех, не приложим ко всем сферам жизни общества. Хотим мы этого или нет, в любом обществе правительство всегда предполагает власть одних над другими: в период кризиса перед лицом других сообществ правители принимают решения, обязательные для всех граждан, неизбежно делая последних своим инструментом. Более того, хотя на предприятии не исключается предоставление кому-то определенной инициативы, современная организация, по существу, превращает десятки, сотни, тысячи людей в винтики некой машины; человек уже не определяет ни целей, ни, в большинстве случаев, средств своей деятельности, т.е. рационализированного труда.

Создается представление о том, что постепенное расширение государственной деятельности ведет к увеличению удельного веса административных решений и предписаний, с трудом поддающихся демократическому контролю со стороны представителей нации. Современное государство становится все более и более бюрократическим и все менее и менее демократическим, такой формулировкой можно выразить возрастающую роль функционеров и упадок законодателей.

В четвертом параграфе «Кризис демократии» исследуется то, что современный кризис демократии связан не только с коррупцией и неэффективностью демократических институтов и практики, но и с самим ее содержанием.

Исторический опыт свидетельствует, что наиболее быстро и гармонично развивались те общества, в которых не попирались права граждан, но и не ограничивались возможности для реализации их способностей. Сегодня демократия не может обеспечить такой гармонии. Демократизация ведет к предпочтению известности – славе, богатства – справедливости, заискивания перед невежеством – поиску истины, пресмыкания перед посредственностью – возвышению над толпой. Лидеры все чаще прибегают к тому, чтобы не убеждать общество в своей правоте, а манипулировать им, проникаясь психологией большинства и незаметно для себя перенимая не только его способ мышления, но и

меру его невежества. Демократия действительно обеспечивает людям равные права, и с этой точки зрения она представляется великим историческим достижением. Но она также провоцирует в людях претензию на равенство способностей, и с этой точки зрения оказывается мощным тормозом исторического прогресса.

Это вызвано тем, что по-прежнему неясно, что же вообще означает демократия в мире, подвергнутом глобализации. Нет сомнения, что глобальная демократия будет предполагать нечто отличное от ее смысла в национальных условиях на протяжении эпохи модерна. Мы можем почерпнуть первые признаки такого демократического кризиса из недавних многотомных ученых писаний о природе глобализации и глобальной войны в связи с демократией. В академической среде приверженность демократии остается исходной посылкой, но между учеными нет согласия в вопросе о том, умножает или сокращает нынешняя форма глобализации силы и возможности демократии в мире.

В громких протестах против политических и экономических особенностей глобальной системы, включая текущее состояние войны, следует видеть мощные признаки кризиса демократии. Разнообразные протесты показывают, что демократию невозможно устроить или насадить сверху. Протестующие отвергают исходящие сверху демократические идеи, проталкиваемые обеими сторонами противостояния в «холодной войне»: демократия – это не непосредственное политическое лицо капитализма и не власть бюрократических элит. К тому же, ее не могут принести ни военная интервенция и смена режима, ни различные ныне циркулирующие образцы «демократического транзита», которые обычно базируются на какой-то форме насаждения латиноамериканских каудильо. Последние лучше доказали свою пригодность для порождения новых олигархий, нежели для демократических систем. Все радикальные социальные движения после 1968 года указывали на искажения в подобном отношении к демократии, которые переводят ее в тип власти, навязываемой и контролируемой сверху. Как они настаивают, демократия, напротив, может появиться только снизу. Вероятно, настоящий кризис понятия демократии, вызванный ее новым всемирным размахом, может послужить поводом, чтобы вернуться к прежнему ее значению как власти каждого в интересах всех, то есть – к демократии без оговорок, всяких «если» и «но».

Третья глава «Судьба национального государства в условиях глобализации» состоит из четырех параграфов, где рассматривается, что политические сообщества и цивилизации больше не могут быть охарактеризованы как «обособленные друг от друга миры»; они вовлечены в сложные структуры пересекающихся сил, отношений и движений, которые по-разному влияют на них. Они, несомненно, структурированы существующим между ними неравенством и иерархией. Но даже самые сильные из них, включая самые мощные национальные государства, не остаются незатронутыми меняющимися моделями региональных и глобальных потоков и структур.

В первом параграфе «Разветвленная система правления или диффузия национального суверенитета» утверждается то, что сердцевину или «глубинную структуру» современной системы демократических национальных государств характеризует ряд поистине поразительных особенностей: демократия в национальных государствах и недемократические отношения между государствами; укрепление подотчетности и демократической законности внутри государственных границ и преследование национальных интересов (и максимального политического преимущества) за пределами этих границ; демократия и права гражданства для тех, кого считают «своими», и сплошь и рядом отрицание этих же прав за теми, кто живет по ту сторону границы.

Во втором параграфе «Глобализация политики» предполагается то, что сегодня фактически все национальные государства постепенно переплелись с функциональными частями более крупной модели глобальных преобразований и глобальных потоков.

Межнациональные структуры и отношения охватили фактически все сферы человеческой деятельности. Товары, капитал, люди, знания, связь и оружие, так же как и преступления, загрязняющие вещества, моды и верования, быстро пересекают территориальные границы. Из состояния «изолированных цивилизаций», или просто международного сообщества государств, мир превратился в глобальную, внутренне взаимосвязанную систему с интенсивными моделями обмена и отчетливыми моделями власти, иерархии и неравенства.

Политические решения и действия в одной точке мира могут довольно быстро отразиться во всем остальном мире. Кроме того, центры политического действия или принятия решений могут, благодаря современным средствам коммуникации,

превращаться в сложные системы совместного принятия решений и политического взаимодействия. Подобного рода «дальнобойность» часто способствует «углублению» глобальных политических процессов, так что, в отличие от древних и современных империй, «события, происходящие вдалеке» оказывают более интенсивное воздействие на социальную жизнь и состояние умов тех или иных мест или политических сообществ. Вследствие чего события, происходящие на глобальном уровне, часто приводят к почти мгновенным локальным последствиям, и наоборот.

Глобальная политика ориентируется сегодня не только на традиционные геополитические интересы, включающие в себя оборону и военные отношения, но также и на множество разнообразных экономических, социальных и экологических проблем. Загрязнение окружающей среды, наркотики, права человека и терроризм находятся в числе все возрастающего количества межнациональных политических проблем, которые не вписываются в рамки юрисдикции, действующей на определенной территории, нарушают сложившийся баланс глобальных политических сил, требуют международного сотрудничества для своего эффективного разрешения. Таким образом, оборона и проблемы безопасности не должны занимать первого места в списке основных глобальных проблем.

В третьем параграфе «Трансформация политической власти» анализируется то, что постепенно все – и содержание, и сфера действия, и сама суть Вестфальской концепции международной регуляции, особенно ее концепция международного права, – подвергнуты сомнению.

Во-первых, было отвергнуто учение, согласно которому международное право признавалось действующим только и исключительно между государствами.

Во-вторых, было отвергнуто представление о том, что международное право занято, в первую очередь, политическими и геополитическими проблемами. Согласно новой концепции, международное право в большей степени связано с координированием и регуляцией экономических, социальных и коммуникативных проблем, а также проблем, связанных с охраной окружающей среды.

В-третьих, было подвергнуто сомнению распространенное в правовой науке представление о том, что подлинным источником международного права являются только соглашения между государствами, будь то соглашения зарегистрированные или подразумеваемые.

В результате изменений, происшедших в международном праве в следствие глобализационных процессов, индивиды, правительства и неправительственные организации оказались в новой системе правового регулирования. Международное право признает дееспособность и принуждение, права и обязанности, которые в ряде важных аспектов ограничивают принцип государственного суверенитета.

Фактически во всех основных областях политики участие национальных политических сообществ в региональных и глобальных потоках и процессах включает их систему интенсивной, не знающей границ координации и регуляции. Политическое пространство, на котором осуществляется эффективное правление и существует подотчетность власти в географическом отношении, больше не совпадает с политической территорией, имеющей четко обозначенные границы. Современные формы политической глобализации предполагают исключение территориального признака из понятия политической власти.

В четвертом параграфе «Цивилизующая» или «демократизирующая» глобализация» исследуется, что современная глобализация не только инициировала или значительно усилила политизацию множества возникающих проблемных областей; она также сопровождалась чрезвычайным ростом институционализированных сфер и структур политической мобилизации, контроля, принятия решений и регулирования, которые функционируют, невзирая на национальные границы.

Совокупность изменений в различных социально-экономических сферах, которые объединяются для образования исключительной по своей широте и интенсивности формы региональных и мировых взаимосвязей, содержит ряд преобразований, которые могут быть поняты как глубокие и показательные структурные трансформации. Они включают в себя эволюцию таких явлений, как режимы прав человека, которые способствуют тому, что один только суверенитет становится все меньшей и меньшей гарантией признания того или иного государства легитимным с точки зрения международного права. Интернационализация безопасности и транснационализация огромного количества программ обороны и снабжения, подразумевающие, в частности, что некоторые основные системы вооружения производятся на базе комплектующих, изготовленных в нескольких странах. Изменения состояния окружающей среды, прежде всего истощение озонового слоя и глобальное потепление, которые

накладывают все больше ограничений на политику, проводимую исключительно в интересах того или иного государства. Революции в сфере коммуникационных и информационных технологий, которые резко увеличили эластичность и интенсивность всевозможных социально-политических структур как внутри государств, так и между ними. Дерегулирование рынков капитала, усилившее власть капитала, финансового и не только, в тех аспектах, где он связан с трудом и государством.

Все эти весьма значительные изменения способствуют трансформации сущности политического сообщества и его перспектив. В основе этого лежит рост приграничных и трансграничных политических проблем и спорных вопросов, которые стирают различия между внутренними и внешними делами страны, внутренними политическими проблемами и внешними спорными вопросами, тем, что находится в компетенции суверенного национального государства и тем, что подлежит международному рассмотрению. Государства и правительства сталкиваются с такими проблемами, как СПИД, эксплуатация невозстановимых ресурсов, хранение и утилизация ядерных отходов, проблемы культурных диаспор и распространение оружия массового уничтожения, – иначе говоря, с такими проблемами, которыми не могут быть однозначно определены в традиционных политических терминах, т. е. как внутренние или международные.

Предположение, что сущность политического сообщества и его возможности можно объяснить простой ссылкой на национальные структуры и механизмы политической власти, представляется сегодня, безусловно, анахронизмом. Хотя было бы ошибкой на основании видимого изменения современных структур взаимосвязей делать вывод, что политические сообщества сегодня не имеют четкого разделения или географического разграничения, но они сколько-то времени тому назад были сформированы многочисленными структурами взаимосвязей и властными системами, а потому и продолжают существовать, будучи более мощными. Таким образом, возникают вопросы как о судьбе идеи политического сообщества, так и о соответствующем фокусе артикуляции политического блага.

Глобальные трансформации сильно изменили наше представление о политическом сообществе и, в частности, наше представление о демократическом политическом сообществе как о чем-то таком, что нередко разделяется на

«внутреннюю» и «внешнюю» сферы политической жизни. Нетрудно понять, что «качество» демократии определяется тем, насколько процесс принятия политических решений зависит от граждан данного сообщества. Ясно и то, что «качество» демократии зависит не только от формального доступа граждан к сфере публичных отношений и политике, но также и от доступа их к процессу обсуждения и принятия государством тех или иных решений. Сегодня считается общепринятым, что «качество» демократии зависит от сложных процессов, посредством которых граждане получают или не получают доступ к ресурсам и механизмам политической сферы – доступ, который отражает сложную модель, состоящую из экономических факторов, культурных процессов и участия в социальной жизни. Однако до сих пор редко еще признают, что характер, форма и перспективы политических сообществ затемнены различными взаимосвязями между ними. Хотя ввести у себя национальную демократию стремится все больше стран. Мощные силы, определяющие наше социальное, экономическое, культурное благополучие, а также благополучное состояние окружающей среды, выходят сегодня за пределы границ национальных государств. В связи с этим возникают фундаментальные вопросы о смысле демократии и гражданства.

Таким образом, мы должны признать, что живем в сложном взаимосвязанном мире, где обширность и острота проблем (экономических, политических, социальных) и оказываемое ими влияние заставляют задумываться о том, кому их уместнее адресовать. Если наиболее мощные геополитические силы не должны решать многие вопросы исключительно в своих собственных интересах и на основании своей мощи, то современные институты и механизмы подотчетности должны быть пересмотрены.

В заключении подведены основные итоги работы, намечены возможные перспективы дальнейшего развития исследования.

Основное содержание исследования отражено в следующих публикациях:

1. Оглезнев В.В. Дискуссии о глобализации // Вестник Томского государственного университета. Приложение: Серия «Труды докторантов, аспирантов и молодых ученых Томского государственного университета». – 2006. – № 20. – С. 62-64.
2. Оглезнев В.В. Проблемы определения глобализации // Философские и духовные проблемы науки и общества. В рамках Девятой Санкт-Петербургской

- Ассамблеи молодых ученых и специалистов / под ред. А.В. Цыба и А.Ю. Азбеля. – СПб., 2004. – С. 154-160.
3. Оглезнев В.В. Развитие идеи правового государства в международно-правовом аспекте // Российское правоведение на рубеже веков: Трибуна молодого ученого: Сб. статей. Вып. 5 / отв. ред. В.А. Уткин. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 61-62.
  4. Оглезнев В.В. Глобализм, как идеология двойных стандартов // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке: Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. – Новосибирск, 2005. – С. 98-100.
  5. Оглезнев В.В. Глобализация, как элитарный проект освобождения // Наука и философия в Сибири: традиции, новации, перспективы: Сб. науч. трудов. – Новосибирск, 2005. – С. 115-118.
  6. Оглезнев В.В. Политико-идеологические основы правового государства // Вопросы развития российского законодательства / под ред. А.К. Музеника. – Томск: Изд-во НТЛ, 2005. – С. 19-24.
  7. Оглезнев В.В. Парадоксы суверенитета // Актуальные проблемы социальной философии: Сб. трудов I Всероссийской научно-практической конференции. 25-26 октября 2005. Вып. 3. – Томск: Изд-во ТПУ, 2005. – С. 109-112.